

ЧИСТКА ГОСУДАРСТВЕННОГО АППАРАТА И РЕПРЕССИИ ПРОТИВ МОНАРХИСТОВ В 1917 ГОДУ

В. Ю. Рылов

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 26 декабря 2017 г.

Аннотация: *данная статья посвящена вопросам изучения некоторых аспектов социально-политической истории России 1917 г.*

Ключевые слова: *Воронежский край, Российская революция 1917 г., правые партии.*

Abstract: *this article focuses on the study of some aspects of the socio-political history of Russia in 1917.*

Key words: *Voronezh region, 1917 Russian Revolution, right wing parties.*

В данной статье речь пойдет о чистке госаппарата в рамках «обновления» государственного строя весной–осенью 1917 г. Данные вопросы не были достаточно актуализированы в историографии в силу ленинских установок, согласно которым Февральская революция не изменила классовую основу общества, оставив политическую власть у буржуазии. Следовательно, не изменился госаппарат, политическая структура государства.

Конечно, изменения происходили не мгновенно, но достаточно быстро. Уже в марте 1917 г. началось «триумфальное шествие советской власти», установившее двоевластие – Временного правительства и Петроградского совета в столице, а советов – по всей стране. Возникал вопрос, сохранять ли наряду с советами старые госучреждения и старый госаппарат. Большая часть революционной демократии считала, что в целом его следует оставить. Большевики занимали противоположную позицию. Однако и те и другие выступали за укрепление советов как учреждений, гарантирующих сохранение и развитие революционных преобразований, осуществляющих контроль над старым госаппаратом, люстрацию госслужащих, демократизацию армии, уничтожение старого репрессивного аппарата и запрещение правых партий.

В. И. Ленин, признавая важность захвата государственной власти «пролетариатом», писал в сентябре 1917 г. о том, что лозунг «власть Советам» очень часто, если не в большинстве случаев, понимается совершенно неправильно в смысле «министерство из партий советского большинства», что, по мнению Ленина, было «совершенно неправильно», «значит личная перемена в составе министров, при сохранении в неприкосновенности всего старого аппарата правительственной власти, аппарата насквозь чинов-

ничьего, насквозь недемократического, неспособного провести серьезные реформы, которые в программах даже эсеров и меньшевиков значатся»: «Власть Советам» – это значит радикальная переделка всего старого государственного аппарата..., тормозящего все демократическое, устранение этого аппарата и замена его новым, народным, т. е. истинно демократическим аппаратом Советов, т. е. организованного и вооруженного большинства народа, рабочих, солдат, крестьян, предоставление почта и самостоятельности большинству народа не только в выборе депутатов, но и в управлении государством, в осуществлении реформ и преобразований государством» [1, с. 202]. Таким образом, получалось, чтобы укрепить свою власть, большевикам надо было, не считаясь с последствиями, «разрушить до основания» старый госаппарат, что в некотором смысле противоречило их же классовым установкам.

Точка зрения революционной демократии была более умеренной. Так, прокурор Харьковской судебной палаты П. Шидловский в циркуляре для губерний, входящих в Харьковский судебный округ, так объяснял роль и место «новых государственных учреждений России... Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, Народных советов, Крестьянских советов и пр.: когда трудящийся народ – солдаты и рабочие – свергли царское правительство, они выделили советы из своей среды с целью удержания и укрепления завоеванной свободы. Как прокурор судебной палаты, я полагаю, что задачей советов и их исполнительных комитетов в настоящее время является устройство жизни на демократических началах, т. е. такой жизни, при которой демократия, бывшая при старом правительстве ничем, стала бы всем, получила бы участие в устройстве жизни, равное с другими классами населения, и заняла бы то положение, какое принадлежит ей по справедливости, как главной силе, двигающей жизнь. Особая роль принадлежала Петроградскому совету... Этот

совет, как выразитель воли всего российского пролетариата, осуществляет право и обязанность надзора за действиями Временного правительства, обладающего всей полнотой власти: надзор за чиновниками; помощь центральному правительству в деле создания новых органов управления; борьба с контрреволюцией и анархией; охрана и защита революционных завоеваний; защита интересов трудящихся классов» [2. Д. 10. Л. 3].

Уже 3–5 марта 1917 г. вместо прежних губернаторов и исправников были введены должности губернских и уездных комиссаров. Часто ими становились председатели губернских и уездных земских управ: «к губ. комиссару перешли все утратившие свое значение функции бывшего губернатора и на него же возложены многие новые функции. Через его посредство Правительство осуществляет все свои распоряжения по управлению, он должен наблюдать за закономерностью постановлений органов самоуправления, руководить деятельностью уездных комиссаров, заботиться об укреплении начал нового государственного строя, противодействовать различным отрицательным явлениям, руководить мерами по поддержанию спокойствия и ограждению личной и имущественной безопасности граждан, ведать ассигнованием различных кредитов и выполняет целый ряд других действий административного характера», – отмечалось в одном из циркуляров Временного правительства. Интересно отметить, что Воронежский губернский комиссар В. Н. Томановский, бывший председателем губернской Земской управы и членом фракции центра Госсовета, сменивший губернатора М. Д. Ершова, отдал распоряжение «об оставлении в должности» М. О. Хопака, «правителя канцелярии бывшего Воронежского губернатора» [там же. Л. 11, 13]. Таким образом, каких-либо решительных новаций и чисток в местном управлении поначалу не было, как и не было сопротивления со стороны старого госаппарата перевороту в Петрограде.

Кстати, Ершов, будучи до революции определенно правоконсервативных взглядов, уже 2 марта 1917 г. обратился к жителям губернии с призывом сохранять спокойствие и «к дружной работе на пользу доблестной нашей армии и тяжело потрясенной родины». 5 марта он направил телеграмму главе Временного правительства кн. Г. Е. Львову с просьбой утвердить его губернатором, но 6 марта был отстранен от должности [3, с. 483].

Но позднее происходило не только отстранение губернаторов, но и «удаление от должностей бывших предводителей дворянства, земских начальников, мировых судей». Дело в том, что уездными исправниками иногда были прежние предводители дворянства, они признали новую власть и становились уездными комиссарами. Последовали распоряжения

Временного правительства и других органов новой власти об удалении «лиц, скомпрометировавшие себя своей деятельностью при старом режиме». Это касалось не только уездных комиссаров, но и земских начальников, судей, которые «не должны быть допускаемы к отправлению правосудия над свободным народом». Новый губернский комиссар А. Ф. Келлер, исполняя распоряжения новой власти, летом 1917 г. всех этих лиц отстранил от должностей. По мере роста влияния советов ярко обозначились конфликты между представителями старой власти и новой: например, в Воронеже между городским советом и городской Думой. Г. А. Пуле, член городской Думы, принадлежавший к партии октябристов, в годы революции 1905–1906 гг. выступивший с консервативных позиций, заявлял, что исполком не вправе давать распоряжения Управе и Думе. (Интересно отметить, что власть гордумы была низложена большевиками лишь 11 мая 1918 г.) Революционеры считали, что Дума и другие органы должны быть переизбраны «на новых демократических началах» [2. Д. 7. Л. 1].

В Воронеже помимо Совета возник и горком «общественных организаций», объединивший революционные партии, поддержавшие Февральскую революцию. На соединенном заседании горисполкома и Совета осенью 1917 г. отмечалось: «Гор. комитет не опирается на организованные массы за исключением тех его представителей, которые являются в Комитете представителями Совета Рабочих, Солдатских и крестьянских депутатов. Гор. Дума дала в большинстве неработоспособных членов Городскому комитету. Комитет объединенных общественных организаций представляет собой скорее клуб обывателей для обмена мнениями, а не организованную массу. Решения Исполкома постольку авторитетны, поскольку они опираются на решения Совета Рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Источником права вмешиваться в течение жизни в деятельность административных органов и т. д. для Городского Исполнительного Комитета являются те же самые обстоятельства, которые служат основанием для деятельности Совета Раб. Солд. и Креп. депутатов – обстоятельства революционного времени. Великая Российская революция – вот начало, которое призвало к жизни органы новой власти революционного народа» [4. Д. 1. Л. 19].

Можно привести многочисленные примеры того, что притеснениям со стороны новой власти подвергались те, кто считался недостаточным «демократом». Так, Съезд председателей волостных избирательных комиссий Новохоперского уезда возражал против назначения административным судьей по выборам Виктора Алексеевича Раевского, «известного всему уезду по всей прошедшей и настоящей деятельности как человека, ни в коем случае не могущего сочув-

ствовать демократизации земских учреждений». Из Новохоперского уисполкома поступило письмо в Воронежский губисполком: «Лицо это со времени революции 1905–06 гг. известно широким демократическим кругам своею реакционною деятельностью... ясно определилась деятельность г. Раевского и в настоящее время, так как он является одним из столпов местной реакции. При этих условиях ни о каком доверии к нему как к судье со стороны демократических масс населения Новохоперского уезда не может быть и речи... первый долг демократических организаций, каковыми являются Уездный и Губернский исполнительные комитеты, – принять все меры к устранению Раевского» [2. Д. 7. Л. 1, 5]. Речь в документе шла о подготовке выборов в Учредительное собрание. Разумеется, что вопрос о компетентности и личной честности Раевского даже не ставился.

Интересно отметить, что имели место и нападки на духовенство. Так, 21 августа 1917 г. в Воронежский губисполком поступила жалоба о. Василия Адамова из с. Костенки Воронежского уезда на незаконные действия Костенковского волисполкома в лице его председателя Германова и милиционера Валуйского, «выразившиеся в оскорблении жалобщика, лишении его свободы и запрещении ему совершать богослужения» [2. Д. 44. Л. 1]. Причина нападков на священника неясна, но сам случай довольно показательный. Священник сл. Россошь о. Григорий Попов жаловался в Острогжский уисполком на то, что Россошанский волисполком своим решением от 8 апреля отстранил его «от преподавания Закона Божия в мужской гимназии». Однако на заседании правления уисполкома 17 июля 1917 г. было решено оставить в силе распоряжение Россошанского волисполкома, «так как Волостной Комитет должен был поддерживать порядок и охранять новый строй от посягательств со стороны приверженцев бывшего царя. Поведение о. Григория Попова и его проповеди вызывали раздражение у граждан сл. Россоши, и Волостной Комитет должен был воздействовать на проповедника. Запрещение преподавания в гимназии вызывалось необходимостью оградить молодые души будущих граждан от преподавателя, способного вызвать своими проповедями возмущение даже взрослых людей» [5. Д. 1. Л. 6].

Были случаи, когда местные советские власти прямо нарушали законы. Так, в июне 1917 г. Воронежская губернская общественная судебно-следственная комиссия рассматривала дело «об арестовании и высылке из сл. Волоконовки Бирюченского уезда местного землевладельца Лосика и о разделе его земли между крестьянами». При этом выяснилось, что разорили Лосика по инициативе председателя Волоконовского волисполкома П. А. Балашева и начальника

местной милиции Т. И. Молчанова. Началась переписка между различными органами власти, в результате чего Балашев и Молчанов были сами арестованы. От должностей их отстранил Воронежский губисполком за «отрицание начал правового строя». Причем отмечалось, что Балашев «находится под следствием за мошенничество», а Молчанов, «тайный ходатай по делам, которому уездным съездом отказано в выдаче свидетельства на звание частного поверенного» [2. Д. 28]. Вот такие «улучшения» произошли в работе местного аппарата после Февральской революции. Пройдет совсем немного времени и все прелести насилья и произвола власти испытают на себе уже не «помещики и капиталисты», а рабочие и крестьяне.

В армии установление новой власти также прошло гладко. Например, в Воронеже уже 5 марта 1917 г. вышел «Приказ войскам гарнизона города Воронежа» № 117 Начальника гарнизона генерал-майора Тимковского, в котором сообщалось, что в «воззвании к войскам вверенного мне фронта» генерал-адъютанта Н. В. Рузского 2 марта «Верховным Главнокомандующим назначен вел. кн. Николай Николаевич» и был «образован Временный комитет из министров, ответственных перед избранными народом и депутатами» [там же. Д. 8. Л. 39]. На следующий день в аналогичном приказе отмечалось, что «все войска подчиняются ныне Временному правительству, образованному Государственной Думой» [там же. Л. 41].

12 марта по войскам было разослано распоряжение о приведении к присяге. В Воронеже приведение к присяге «на верность РОССИЙСКОМУ ГОСУДАРСТВУ» состоялось 14 марта в 2 часа дня на Кадетском плацу, причем было указано: «Никаких знамен не выносить». Очевидно, что военные власти нового режима не желали показывать старые монархические знамена [там же. Л. 46]. Интересно отметить, что это скрывание старых царских символов приводило к тому, что в войсках явочным порядком появлялись красные флаги, о чем свидетельствует характерный приказ по Московскому военному округу о том, что солдаты, едущие в поездах, «укрепляют на вагонах красные флаги как знамя свободы. Это обстоятельство сводит на нет значение основного дневного сигнала, ибо машинисты и кондукторы привыкают не обращать внимание на красный флаг как сигнал опасности». Начальник штаба округа генерал Окуньков предлагал «разъяснить опасность таких действий» «во избежание несчастных случаев» [там же. Л. 246].

7 марта вышел приказ по военному ведомству, подписанный А. И. Гучковым и генералом Н. И. Протопоповым, являвшийся важнейшим шагом к демократизации армии: «1. отменить наименование нижний чин, заменить названием солдат, 2. отменить титулование, заменив формой обращения – господин генерал, полковник, унтер-офицер и т. д., 3. говорить

солдатам "Вы", 4. отменить ограничения, установленные для воинских чинов, запрещавших курение на улице и в общественных местах, в помещении клубов и собраний, езду внутри трамваев, участие в качестве членов различных союзов и обществ, образуемых с политической целью» [там же. Л. 44]. Начали образовываться Советы солдатских депутатов в армии. В середине марта все воинские части на фронте и в тылу были советизированы. После присяги 14 марта 1917 г. последовали распоряжения военнослужащим «вернуться к местам службы, выступления против Временного правительства всеми признанного недопустимы» [там же. Л. 54].

В приказах № 118 и 119 от 6 марта отмечалось, что «приходится слышать, что в связи с настоящим событием некоторые воинские чины позволяют себе разные толкования по поводу дисциплины и порядка. Дисциплину должно соблюдать непоколебимо по-прежнему» [там же. Л. 40]; «Всюду я видел образцовый порядок, за что и объявляю мою благодарность Начальнику охраны города г. Шаурову, всем милиционерам и исполняющему обязанности Коменданта гор. Воронежа Полковнику Осипянц, а также нижним чинам, несшим дозорную службу на Дворянской улице» [там же. Л. 41]. Тем не менее генерал Тимковский был отстранен от должности уже 7 марта 1917 г., вместо него начальником гарнизона стал полковник Языков.

Однако на деле неразбериха и хаос в армии только усилились. Так, член Воронежского губисполкома Е. С. Пикалов, бывший еще и членом Военной секции Воронежского совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов от 12-й роты 58-го пехотного запасного полка, был 25 июля отозван из совета «как подлежащий отправлению на фронт». Однако отправляться на фронт Пикалов не желал, ссылаясь на то, что члены губисполкомов отправке на фронт не подлежат на основании соответствующих приказов по Московскому военному округу. Вместо упорной «борьбы с внешним врагом» Пикалов занимался незаконными реквизициями в Задонском уезде в экономии помещицы Стемповской. Местная власть жаловалась на Пикалова в губисполком о том, что он «вносит вредной пропагандой полную анархию, делающую невозможной работу упродкома, просим оказать содействие, удалить Пикалова из уезда» [там же. Д. 6. Л. 7, 8, 13, 14].

Можно привести и другие примеры бесчинств солдат. 27 апреля на Старо-Конной площади Воронежа солдаты зверски избивали крестьянина Боева, которого милиционерам «удалось отнять у расшарившей толпы». На помощь солдатам, которых пыталась усмирить милиция, пришел чуть ли не весь взбунтовавшийся 58 полк [4. Д. 1. Л. 11]. А 13–15 сентября 1917 г. в г. Острогжске солдаты 2-го кавале-

рийского запасного полка устроили пьяный погром, в результате которого «22 человека опились и умерли от разрыва сердца, 26 человек сгорели во время взрыва спирта..., 60 человек лежат ранеными в госпиталях, 9 человек зарегистрировано убитыми», «пьяные толпы солдат подобны нашествию диких племен», «это произошло в культурной стране, где люди признаны свободными гражданами», «я видел, как один из пьяных солдат, встретив пробежавшего на службу труженика-телеграфиста, нанес ему удар со словами: «у, буржуй», – писал начальник Воронежского гарнизона полковник Вознесенский [2. Д. 8. Л. 154]. Такими горькими оказались первые «плоды свободы» в армии.

В мартовские дни последовали распоряжения Временного правительства и Петросовета об упразднении полиции и жандармерии и всех их структур: ДП МВД, ОКЖ, ЖУ и др. Вместо них создавалась милиция, находившаяся в ведении местных советов и местного самоуправления. Бывших полицейских и жандармов по приказу А. Ф. Керенского отправляли в действующую армию. При этом милиция была выборная и поначалу непрофессиональная (как известно, милицией называется армия ополченческого типа). Первые милиционеры часто были случайные люди. В одном из сохранившихся списков милиционеров, многие были помечены сокращением «негр.», т. е. неграмотный. Разумеется, что замена профессионалов полиции и жандармерии на таких лиц могла привести только к негативным результатам.

Разоружение полиции и жандармерии прошло в стране в целом спокойно; столкновений между сторонниками старого и нового режима почти не было. Например, в городе Лебедянь Тамбовской губернии 4 марта 1917 г. из Москвы прибыла делегация исполкома, во главе которой находилось два студента и один прапорщик с командой солдат из разных полков. Они разоружили полицию и жандармерию, а 213-й пехотный полк «изъявил покорность» новой власти [6, с. 32]. Но сопротивление все-таки имело место. Например, в Петрограде были довольно многочисленные жертвы, о чем свидетельствует приказ, разосланный по армии в марте 1917 г.: «23 марта в день имеющих быть в Петрограде похорон жертв революции отслужить панихиды в своих частях» [2. Д. 8. Л. 58]. А в Воронеже прошел слух, что 11 марта на перегоне Воронеж – Отрожка по распоряжению бывшего полковника В. Н. Деболи (начальника ЖПУ ЮВЖД) жандармскими чинами укрыто оружие, которое не было обнаружено при разоружении жандармерии» [4. Д. 1. Л. 1].

Газеты публиковали списки секретных сотрудников жандармских управлений. Новые власти раскрывали их псевдонимы и организовывали преследования. Например, 24 июня 1917 г. в Воронежский губ-

исполком поступило письмо начальника охраны исполкома Совета депутатов армии, флота и рабочих Свеаборгского порта Глесингфорса Островского и зав. отделом «по борьбе с контрреволюцией» Черноуса, в котором «сообщалось для сведения», что «крестьянин слободы Россоши Алексей Иванович Жарый в 1911 г. состоял помощником начальника Воронежского ГЖУ в качестве секретного сотрудника по политическому сыску под псевдонимом «Жалобовский». В результате проведенного расследования было выяснено, что Жарый умер в 1916 г.; дело было прекращено [7. Д. 27. Л. 2].

Помимо собственно милиции, ее комиссариатов создавались новые особые органы по охране порядка. Например, в Воронежской губернии возник «Отряд по ловле дезертиров», «Комиссия "48" Воронежская губернская центральная», Комитет по охране на ж.д., Воронежский районный комитет Военно-народной охраны и др., которые взяли на себя функции прежней полиции и жандармерии [2. Д. 4. Л. 9, 20]. Гласный Воронежской думы эсер М. Л. Коган-Бернштейн отмечал, что еще до того, как Дума образовала «особый орган по охране порядка», делом охраны порядка занимался «губ. комитет партии с.р. и некоторые общественные организации» [там же. Л. 8]. Таким образом, получалось, что милиция являлась, по сути, вооруженной организацией политической партии.

В Воронеже возник Комитет безопасности, «орган, опирающийся на массы» и «более или менее авторитетные группы населения», выступивший осенью 1917 г. «решительно против попыток захвата власти» большевиками. В порядке самоохраны была введена натуральная повинность, обязывающая граждан города нести дежурства по охране города, к которым привлекались мужчины в возрасте от 20 до 50 лет. Причем за уклонение от участия в дежурствах предусматривались аресты и штрафы: «лицо, отказавшееся или не явившееся на дежурство без законных причин, привлекается к ответственности по 29-й ст. Уложения о наказаниях» [4. Д. 2. Л. 36 об.]. Интересно отметить, что самоохрана оставалась некоторое время и при власти большевиков. Так, 24 мая 1918 г. муниципальный отдел Воронежского горисполкома констатировал, что «граждане уклоняются от ночных дежурств», а начальник охраны города И. В. Шауров угрожал за это наказаниями для нерадивых граждан «в форме штрафа и ареста» [там же. Л. 173]. В самоохране охотно принимали участие состоятельные граждане. Например, председательствовал на собраниях по организации самоохраны В. И. Раевский, в прошлом октябрист; А. О. Бернатович (сын бывшего полицмейстера Воронежа) был избран секретарем самоохраны 10-го избирательного участка Воронежа [там же. Л. 96].

«Человек с ружьем» – милиционер или иной член вооруженного отряда, например Рабочей боевой дружины, созданной из членов партии эсеров, рабочих завода Столь – нередко был замешан в грабежах, самочинных обысках, массовых вооруженных столкновениях, незаконных задержаниях и убийствах. Та же Рабочая боевая дружина печально прославилась насилием и убийствами в Воронеже [8]. Отложились многочисленные жалобы на милицию, проводившую незаконные обыски на улицах, в домах, вокзалах, поездах и т. п. Например, В. Г. Веселовский сделал в городской Думе 16 октября 1917 г. «заявление об имевших место в городе за последние дни обысках, производимых различными самочинными организациями и о том единодушном негодовании общества, с которым оно встретило это нарушение элементарнейших основ гражданской свободы» [4. Д. 2. Л. 3].

Уже после большевистского переворота в Петрограде 28 октября 1917 г. группа независимого меньшинства Воронежской Думы огласила резолюцию: «Считая демократический строй, может быть укреплен только дружными усилиями всех слоев населения в борьбе с анархией, полагая, что Городская Дума как представительница всего населения должна стоять во главе этой борьбы, а Управа с ее органами должна неуклонно проводить в жизнь ее постановления, группа независимого меньшинства постановила: 1) поддержать доклад Управы, поручив ей войти в соглашение с организованными слоями населения; 2) выразить пожелание о скорейшей организации городской милиции, освободив ее от нездоровых элементов и 3) уничтожить запасы спирта и водки на казенных и частных складах» [там же. Л. 4].

Реакция на большевистский переворот революционной демократии была, разумеется, отрицательной: «Воронежская Городская Дума с глубоким возмущением узнала о безумной попытке большевистских организаций Петрограда в дни необычайно тяжелого военного политического и хозяйственного положения страны, не считаясь с волей Центр. Советов Раб. Солдатских и Крест. Депутатов, фронтовых организаций, Петроградской Городской Думы и широких слоев всего русского народа, поднять восстание изголодавшихся и утомленных частей петроградского населения против Временного правительства и Совета Республики»; «За две недели до Учредительного собрания, когда воля всего народа напряжена на подготовку созыва этого всенародного органа, долженствующего разрешить основные вопросы народной жизни и дать народу свободу и землю, ослепленные или продажные люди делают попытку вырвать власть у народа, сорвать работу Учредительного собрания, разрывают единство фронта русской демократии и открывают дорогу для контрреволюци-

онных авантюристов и реакционных нападений на завоеванную свободу» [там же. Л. 9, 10].

Однако революционная демократия не решилась дать должный отпор большевизму: «Воронежская Городская Дума не может ставить себе агрессивных задач и организовать военную борьбу в стенах города, Исполнительный Комитет совета рабочих и солдатских депутатов, совета крестьянских депутатов, железнодорожный союз, партийные организации, профессиональные союзы и другие демократические организации сплотиться для охраны в эти тяжелые дни нормального хода городской жизни и, опираясь на поддержку всех живых сил города, предлагает Управе добиваться, прежде всего, непрерывной работы продовольственной организации, охраны порядка в городе, возвращения к нормальной жизни введенных в город войск, прекращения беспорядочной стрельбы, восстановления телефонного сообщения, восстановления торговой жизни, прекращения самочинных обысков и осуществления других неотложных в интересах населения мероприятий» [там же. Л. 23].

Как уже говорилось выше, население в целом благожелательно встретило переворот февраля–марта 1917 г. Каких-либо гражданских акций протеста против нового режима не было. Однако по мере «углубления» преобразований в народе обозначились признаки недовольства. Например, в сл. Погромец Валуйского уезда Воронежской губернии в апреле 1917 г. отмечалось, «крестьянство очень мало организовано. Раздаются голоса, выражающие протест против нового строя» [9, с. 21]. А в Кирсанове Тамбовской губернии произошло монархическое восстание, но под республиканскими и антисемитскими лозунгами направленное против местного совета. Бывший член Союза русского народа (далее – СРН) торговец А. К. Трунин, «опирающийся на отсталые элементы», был провозглашен своими сторонниками в июне 1917 г. генерал-прокурором Кирсановской республики, находящейся в подчинении исключительно А. Ф. Керенского. Советская печать отмечала: по этому поводу «единственным средством борьбы с "кирсановскими явлениями"... является... полное и скорейшее разрушение старых органов управления как источников контрреволюции» [10, 17 июня, с. 2]. А в Раненбурге Рязанской губернии уездный комиссар запретил «контрреволюционные собрания и митинги», «созываемые безответственными темными лодырями» [там же, 24 июня, с. 4].

Правые партии, являвшиеся, по словам Николая II, «примером законности и порядка», были запрещены и прекратили свою деятельность сразу же после свержения самодержавия. Это были первые политические партии, подвергшиеся репрессиям после провозглашения политических свобод в России.

Инициатива арестов исходила как от центральных властей в лице Временного правительства и его органов, так и от новых – Советов.

Например, в Воронеже были в первые же дни революции арестованы «местные столпы СРН», но затем выпущены на свободу [11]. Очевидно, что их «вина» была в том, что они были лидерами правой организации. Председателя Воронежского отдела Всероссийского Дубровинского СРН Р. М. Карцева дважды арестовывали в весной 1917 г. по подозрению в незаконном хранении оружия. Арестам подверглись активисты уездного отдела Русского народного союза имени Михаила Архангела в городе Валуйки Воронежской губернии. В апреле 1917 г. на одном из заседаний Валуйского уездного Совета был оглашен список отдела Союза Михаила Архангела. Были упомянуты председатель отдела, местные помещики Г. А. Рябинин, Алисовы, А. Величковский, священник П. Чехов и др. Буквально через неделю стало ясно, зачем было зачитывать список: «Ввиду болезни Алисовой, Исполнительный комитет постановил освободить ее из тюрьмы под домашний арест с залогом в 10 000 руб.» [9, 5–12 апр., с. 17; 19–26 апр., с. 21].

Интересно и то, что немало видных правых признали новый строй. Среди них были крайне правый В. М. Пуришкевич, а националист В. В. Шульгин и октябрист А. И. Гучков находились в числе организаторов переворота. Даже монархист «чистой воды» Н. Е. Марков заявлял в своей газете «Курская быль», что с 7 марта 1917 г. «наша газета честно и открыто встала на сторону нового порядка. После серых и хмурых дней для нас наступил светлый праздник. Состоялся ряд многолюдных манифестаций, и везде царил образцовый порядок» [12, № 61]. На следующий день газета писала: «Умерла старая власть... мы разумеем не старую монархию, которой мы единственно служили. А ту правительственную власть, которая извратила смысл и душу монархии. Самодержавная монархия не была пустым звуком без содержания, как не была она и узурпацией государственной власти. Трагизм ситуации в том, что в 1613 г. народ учредил самодержавие, а 304 г. спустя последний из династии Романовых сложил эту власть также во имя, блага и спасения России» [12, № 62]. Священник Т. Д. Попов, бывший членом правой фракции Государственной Думы и членом СРН, в июле 1917 г. стал деятелем «церковного обновления», возглавив Воронежский Епархиальный исполком, созданный вместо старых органов церковного управления [3, с. 484].

Благие пожелания новой власти выиграть войну, упорядочить военное управление, справиться с неразберихой в тылу на деле привели к конфликтам старых и новых органов, городских и районных, губернских и уездных, уездных и волостных, что еще

больше усиливало неразбериху и хаос в местном управлении. Таким образом, вместо обновления и улучшения государственного управления получился еще больший хаос. К еще более опасным результатам привела и демократизация армии. Устранение профессиональных правоохранителей, «царских опричников», как называли чинов полиции и жандармерии революционеры, замена их вооруженными партийными отрядами способствовали «размыванию правового строя», дискредитации власти и утверждению права силы.

Проведение люстраций и чисток неминуемо привело к политическим репрессиям, которые были начаты в стране именно революционной демократией. Большевики лишь продолжили репрессии, которые логически завершились уже открытым террором. Устранив не только сторонников, но и патриотически настроенных носителей идей порядка новые власти оказались практически бессильны перед внешним врагом, невежеством и дикостью значительной части населения, а главное, крайними экстремистами-большевиками, желавшими «разрушить все до основания». Новая власть отказалась от поддержки правоконсервативной части общества, что имело для нее фатальные последствия.

Сказывалась «вера в народ» российской интеллигенции, согласно которой достаточно освободить народ от самодержавия, а освобожденный народ, исходя из своей мудрости и имманентной правоты, разрешит все насущные вопросы. Получалось, прав тот, кто «за народ». Революционная демократия и большевики соревновались в том, кто больший демократ и кто больше даст демагогических посулов. Поэтому имевшая численный перевес демократия,

оказывалась бессильной перед классовой демагогией большевиков. Все это ясно показывает идейную несостоятельность «народофильской» мысли российской демократической интеллигенции. В действительности же ни всеобщие-равные-прямые-тайные выборы, ни непосредственное участие народа в госуправлении не являются признаками подлинной демократии. Если игнорируется безусловность законов, попираются базовые права человека, не соблюдаются и не уважаются права меньшинств, то такая демократия превращается в свою противоположность – в диктатуру, что и доказали большевики, сделав демократию советского типа опорой диктатуры партии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ленин В. И. Один из конкретных вопросов революции / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений : в 55 т. – 5-е изд. – М., 1969. – Т. 34.
2. Государственный архив Воронежской области (далее – ГАВО). – Ф.104. – Оп. 1.
3. Рылов В. Ю. Консерватизм в российской провинции. Правое движение в губерниях Центрально-Земледельческого района / В. Ю. Рылов. – Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2016. – 621 с.
4. ГАВО. – Ф. 218. – Оп. 1.
5. ГАВО. – Ф. 220. – Оп. 1.
6. Кривошеин Н. В. Город Лебедянь и его уезд в 1917–1921 гг. / Н. В. Кривошеин. – М. : Пресс-Бук, 2016. – 470 с.
7. ГАВО. – Ф. 1664. – Оп. 1.
8. Два архивных документа / сост. и авт. вступ. ст. Н. И. Третьяков. – М., 2014. – 126 с.
9. Валуйский земский листок. – 1917. – 19–26 апр.
10. Известия Раненбургского Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов. – 1917.
11. Воронежский телеграф. – 1917. – № 60.
12. Курская быль. – 1917.

Воронежский государственный университет

Рылов В. Ю., кандидат исторических наук, доцент кафедры новейшей отечественной истории, историографии и документоведения

E-mail: vyurylov@ya.ru

Тел.: 8 (473) 239-29-35; 8-903-650-68-71

Voronezh State University

Rylov V. Yu., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Contemporary Russian History, Historiography and Documentation

E-mail: vyurylov@ya.ru

Tel.: 8 (473) 239-29-35; 8-903-650-68-71